

фантастическая
история

Книги Марика Лернера
в серии «Фантастическая История»

МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ
МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ. ВОСТОК

СОВСЕМ НЕ ПРОГРЕССОР

ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА
ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА. ВРАТА УЧЕНОСТИ
ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА. ПОСТРОИТЬ БУДУЩЕЕ
ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА. ПОБЕДИТЕЛЕЙ СУДЯТ ПОТОМКИ

МОСКВА, 2016

фантастическая
история

Марик Лернер
Цель неизвестна.
Победителей
судят потомки

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л49

Серия основана в 2010 году
Выпуск 114

Лернер М.

Л49 Цель неизвестна. Победителей судят потомки: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 345 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2217-3

Я хотел слегка улучшить человеческое существование и, в частности, в родном государстве. Начнем развиваться раньше, легче перейти барьер двадцатого века с его катаклизмами. Не хочу величия для империи. Когда она становится излишне могучей, соседи объединяются против и все эти наполеоны, гитлеры рушатся с грохотом, погребая под обломками величия собственные народы.

И после многих лет тяжелых трудов, когда помимо прямых обязанностей приходилось интриговать, подсиживать и врать, не просто указали на дверь. Еще и норовят все достигнутое уничтожить, вернувшись к прежнему состоянию. Нормально ли терпеть в надежде, что прогрессивные начинания уже не остановить, или правильнее вмешаться в происходящее?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марик Лернер, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2217-3

Часть первая

БУДНИ ОПАЛЬНОГО ВЕЛЬМОЖИ

Глава 1

БЫЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

— Неприятель быстротою наших движений был свыше крайне удивлен, — возбужденно говорил поручик Армфельд на вполне приличном русском языке. Высокий, симпатичный молодой человек. Типичный викинг, белобрысый и могутный. Токмо в мундире нового образца Второго Московского полка. Очень доволен, что свел столь полезное знакомство, а не болтается в тыловых частях.

«Свыше крайне» — это мелочь. Мне так на шведском вряд ли удастся скоро объясниться. Да и не рвусь, откровенно говоря. Напротив, демонстративно требую обращаться по службе на государственном русском, сиречь имперском. В свободное время и дома можешь изъясняться хоть на китайском наречии, но желающим делать карьеру придется постараться всерьез. Причем не моя якобы блажь, а императрицы. Она старательно изображает самую русскую из всех русских, избирательно забыв отца, но подчеркивая происхождение от родных берег. Многие очень хорошо поняли намек, когда она отказалась беседовать с гвардейскими офицерами по-немецки.

Дворянство балтийских провинций и Шведского королевства согласно привилегиям, полученным при завоевании и подписании унии, не было обязано служить. Однако если кто-нибудь из них поступал в армию (кроме шведских полков, хотя и там высшее офицерство не могло обойтись без русского, а значит, и в генералы без него не попадешь), то с недавних пор на тех же условиях, что и прочие подданные. Включая необходимость знания языка страны и ведения на нем документации. Иначе продвижение становилось достаточно сомнительным.

Ничего ужасного не произошло. Многие благородные шли воевать вовсе не от горячего характера. Все больше по причине

бедности и плодovitости родителей. Кое-кто гордо отказался следовать правилам и отправился за границу, но сомнительно, что там они получают больше. По мне, умные и проявляющие рвение без малейших сомнений способны за пару лет научиться если не трактаты научные писать, так командовать на языке страны, которой даешь присягу. А если нет, то нужны ли России такие остолопы?

— Мы маршировали к Мемелю со всей возможной скоростью, — продолжал Армфельд, — избавившись даже от множества нужных вещей, например, осадного парка орудий. Его подвезли позже на кораблях.

Эти сказки стоило бы рассказывать кому другому. Мне лично пришлось подгонять в очередной раз неизвестно почему заосторожничавшего Ласси. Во всей Восточной Пруссии было всего три крепости: Пиллау, Мемель и Кенигсберг. Сколько-нибудь важное значение имел только Кенигсберг, защищенный непрерывным поясом укреплений с тридцатью двумя бастионами, цитаделью и отдельным фортом Фридрихсбург.

Вместо стремительных действий армия толпилась у дыры под названием Мемель, где всего гарнизона один батальон. Восемьсот человек, включая ополченцев, против шестнадцатитысячного осадного корпуса и при полной блокаде с моря. Не имело ни малейшего смысла держать здесь все войска, вполне хватило бы и половины того, а остальных, в особенности казаков с калмыками, лучше было использовать для других целей. Еще и после обстрелов выпустили гарнизон с почестями, пусть без оружия и имущества.

Не понимаю фельдмаршала и его поведения. В Швеции действовал в лучшем виде, под Азовом тоже удачно. А в Крыму и Пруссии его будто подменили. Фридриха, что ли, боится? Так он сейчас занят в совершенно ином месте. Фактически бросил на произвол судьбы и Восточную Пруссию, и Померанию. Восточная Пруссия бедная страна, с песчаной почвой, болотами и слабо заселенная, и не здесь его устремления. В ней едва насчитывалось около пятисот тысяч жителей.

Разве дело в черноземе? А для нас с Анной Карловной завоевание здешних земель чрезвычайно важно. Взяв эти земли, Россия получает два незамерзающих порта на Балтике — Мемель и Кенигсберг, подходящие для содержания и военно-

морского, и торгового флота. Практически вся польская и литовская торговля идет через Кенигсберг и в меньшей степени Данциг. В этом случае даже «щедро» уступленные Австрии коренные ляшские земли станут платить пошлину империи.

Упустить такой лакомый кусок было бы непростительной ошибкой. Мы надеемся закрепить свои права на оккупированную землю по заключении всеобщего мира. Именно поэтому я вынужденно бросил все хозяйственные дела, плюнул на варшавский комфорт (действия немногочисленных повстанцев не в счет, они в лесах) и отправился наводить порядок в северной армии.

Ласси вообще не очень рвался изначально за подвигами, пытаюсь отбрехаться местными делами и недостаточным контролем за уже занятой литовской территорией. В принципе так и есть. Добрую половину корпуса пришлось раскидать гарнизонами, а существуют места, где русских солдат до сих пор не видели и вряд ли подозревают о смене власти. Правда, здесь и на Украине население все больше поддерживает нас и особых проблем нет. Все же православные в подавляющем большинстве, и даже магнаты не пытаются организовать сопротивление. Тут не Польша, где пришлось выдержать несколько серьезных столкновений, прежде чем загнали в леса остатки отрядов недовольных дворян. Только Австрия требует оплатить кровью захваты, и для России данное вторжение лучший вариант.

— При вступлении в город командующий приказал отслужить в лютеранской церкви благодарственный молебен. Затем чиновникам и всем жителям города пришлось принести присягу на верность императрице Анне.

Я невольно покосился на рассказчика. Густав Армфельд не может не испытывать смешанных чувств по данному поводу. Семейство его, как и Врангели, достаточно разветвленное и многочисленное. Лично он проживал на отошедших к России финских территориях, по крови швед и не так давно тоже вынужденно клялся в верности новой власти. Полагаю, с одной стороны, он доволен — не им одним пришлось ради сохранения владений от конфискации склонить голову перед русскими. С другой — поступив на службу, не против повоевать, а здесь ничем отличиться не удалось. Штурма не случилось, только артиллерия лупила по Мемелю.

— Имелись недовольные и отказавшиеся? — спрашиваю.

Все чиновники, все пасторы окрестных приходов, все обыватели мужского пола старше пятнадцати лет, независимо немецкого или литовского происхождения, должны принести присягу. Ответ мне известен, но любопытно его отношение.

— Многие разбежались еще при появлении первых наших разъездов. Боятся. Потом реквизиция лошадей и припасов мало удовольствия доставляет бюргерам и крестьянам. Фуражирующие иррегулярные кавалеристы не особо сдерживаются.

В переводе это означает: мародерствуют казаки с калмыками. Странно от них чего другого ожидать. Приятного мало, когда имущество отбирают. Но это уж как водится. На войне кормятся за счет противника, и мало кто осуждает подобное. Фридрих и сам не без греха.

— В Тильзите сразу согласились открыть ворота, мы и дойти до города не успели. Нижайше просили фельдмаршала взять под свое покровительство.

А вот это новость. Видимо, гонцы в дороге меня не обнаружили. Хотя не сказать уж очень неожиданная. Видать, навели калмыки шороху. В пути через российские земли их сопровождали специально выделенные подразделения, чтобы не баловали. А здесь, похоже, развернулись во всю степняцкую ширь. Немцы теперь готовы и молебны служить во славу русского оружия, лишь бы не грабили.

Армафельд хотел что-то добавить, но замолчал, повинувшись моему жесту. Мы оба прислушались. По дороге мы неоднократно обгоняли обозы и войска, но выстрелы и так часто раздавались в первый раз. Я обернулся к сопровождающим, и, не дожидаясь команды, мои казачки понеслись вперед, выяснять подробности. Драгуны конвоя, напротив, приблизились, окружая стеной.

— Кажись, пруссаки идут навстречу, — доложил вернувшийся казак. — Барабаны бьют.

— Что значит «кажись»?

— Туман, ни черта не разобрать.

Я прищпорил коня и понесся вдоль длинной колонны людей, выстроившихся на лесной дороге. Если армию подловили на марше специально, ничего хорошего впереди не ждет. Называется, прибыл с проверкой в штаб. Угодил в самую раздачу.

Пытаясь хоть что-то понять, осматриваю окрестности. Все поле предстоящей битвы, окруженное лесом, покрывал туман. Видимость не дальше версты, зато слышимость замечательная. Действительно, под хорошо знакомый бой барабанов надвигаются вражеские полки. Единственное, не видать, сколько и откуда. Совсем не ясно, где находится командование и что оно собирается приказывать. Как утверждает Гена, карма у меня, видимо, такая. На полном ходу въезжать в неприятности.

Искать фельдмаршала в этой ситуации — глупее не придумаешь. Он наверняка и сам не в курсе, кто и где находится. Почему вперед не выслали разведку, разбираться стану потом. Если уцелеем. Но после этого не то что отстранить от командования, по-честному под суд положено отдавать, а не смотреть на его седины и бывшие заслуги. Расслабился, уверенный, что пруссаки не пойдут вперед, опасаясь высадки с кораблей в тылу.

Все! некогда пытаться сваливать ответственность на других, пора принимать решение. И я принялся раздавать приказы, рассылая во все стороны вестовых. Армфельду гнать на полной скорости вперед свой полк. Казаки, сколько удастся собрать, и драгунский полк, застывший в ступоре, отправить для прикрытия. Их неминуемо сомнут, если сюда заявился весь прусский корпус, включая померанские части, но это дает возможность оттянуть время и подготовиться.

Вологодскому, Суздальскому и Выборгскому полкам занять высоту, господствовавшую над западным дефиле. Поставить там всю артиллерию, имеющуюся под рукой, невзирая, своя или чужая. В этой неразберихе каждое жерло на счету. Угличскому встать на дороге, давая возможность подойти Московскому и другим отставшим подразделениям. Я сам этим займусь. Плевать мне на звания! Я генерал-фельдмаршал Ломоносов! Выполнять приказание! Вот это уже лучше, мысленно улыбнулся я, глядя на поспешно садящихся на коней старших офицеров.

Кавалерия! Господибожемой, где вся наша кавалерия?! Не могу я парой тысяч отбросить противника!

— Чего они тянут? — с раздражением спросил кто-то рядом.

Будто в ответ ухнули орудия, добавив дыма в рассеивающийся туман.

Глядя на вражеские построения, с облегчением думаю: радоваться надо, а не ныть, что пруссаки воюют по уставу. Конечно, ядра не очень приятная вещь, но могло быть много хуже. Сначала канонада, затем атака конницы, и лишь потом вводится в бой пехота. Похоже, они сами растерялись, не ожидая сойтись с нами на встречном марше. Потеряли темп и не раздавили сразу. Впрочем, еще не поздно. Мы фактически разорваны на две группы, и не меньше трети до сих пор болтаются на дороге позади.

Запели знакомо трубы. Вражеские всадники неслись, выныривая из тумана, с топотом, от которого задрожала земля. Кирасирские полки — тяжелая конница. Пластины на груди, огромные битюги. Нашим кавалеристам не удержать удар. И не надо. Если я чему-то научился на войне, так это борьбе с атакующей кавалерией. Ружейный и артиллерийский огонь лучшее из возможных средств борьбы с такими героями.

Русская легкая конница поспешно разворачивается, уходя из-под удара и открывая противника для обстрела. Все как договорено. Тем более я не требовал от казаков умирать. Напротив, важнее внушить уверенность врагу. Сейчас на высоте уже готовы. Наше секретное оружие — набитый пулями шар, взрывающийся на подлете, — пока никто не сумел повторить. Ходят слухи, у англичан налаживают производство, но до войск еще не дошло в приличном количестве. Да и не противники нам островитяне на данный момент. Сейчас запальные трубки уже нарезали на разную длину для отдельных дистанций, и пруссаки наконец вкусят угощения.

Первые выстрелы не произвели особого впечатления. Ни мощи, ни кучности. На самом деле это пристрелочные, чтобы определить ориентиры. Недолет, перелет, попадание. Стена кирасир даже не заметила происходящего. И тут грохнуло. Взрывы снарядов выше и перед строем выбивали жуткие бреши в катящейся лаве. Еще один залп. Лошади ржали от боли и падали, всадники вылетали из седел. Все это образовало немалый завал, о который споткнулся железный поток. Часть кирасир принялась обходить образовавшийся барьер с флангов, остальные затормозили и завязли в куче мертвых и истекающих кровью тел. Тут их накрыл очередной орудийный залп, добавив сумятицы в происходящее.

Наперекор потерям и трудностям пруссаки продолжали двигаться вперед. Может, их не за что любить, однако точно стоит уважать. Уже становится опасно бить по атакующим из орудий, недолго и своих зацепить. Пушки и так изрядно проредили вражескую конницу. Пришло время для ружей.

— Первая шеренга — на колена! — скомандовал полковник рядом.

Сейчас наступил момент, когда мое вмешательство излишне и мешает. Пусть отдают приказы те, кому положено. Они и людей своих лучше знают.

Вторая шеренга изготовилась к выстрелу, первая застыла, ожидая приказа сменить и загораживая товарищей поднятыми штыками. Большинство лошадей на острия просто не пойдет. А кто посмеет погнать своего коня на приготовившийся строй, долго не заживется. Маневр давно отработан, и не только я умею отражать атаки всадников в каре. Все отлажено на тренировках и проходит без суеты и заминок. Угличский полк не из худших будет, и надо потом отметить в приказе независимо от результатов сражения.

— Приготовиться!

Противник все ближе. Огромная неразличимая масса всадников с обнаженными клинками, воющая в готовности смять и убивать.

— Не стрелять! Ближе, еще... Огонь!

Шеренги взорвались огнем и свинцом, уничтожая опасность. Снова падают лошади и валятся на землю люди, застигнутые в последний момент. Первая шеренга буквально исчезла, загромаждая путь следующим, невольно врезавшимся в огромную кучу. Лошади вновь кричали, ломая ноги, а пули на таком расстоянии не могли остановить и кирасы. Те, кто оказались под копытами могучих коней, очень пожалели, что не погибли сразу.

Атака захлебнулась, уцелевшие уже не пытались смять массой, а уходили на фланги, но в лес соваться было опасно. Тем более оттуда тоже постреливали, пусть и не сильно. Похоже, Московский полк на подходе. Кирасиры проверять количество злых русских солдат не стали и начали отход, вторично угондив под орудийный обстрел и теряя товарищей.

Первый раунд мы свели вничью. Это далеко не победа, но кавалерия попала в ловушку и понесла серьезные потери. Да

и боевой дух пруссакам изрядно подпортила артиллерия. Теперь уже по нам заработали пушки, пробивая бреши в рядах. Наши орудия отвечали, но у пруссаков больше стволов, и заткнуть их совсем не просто. Счастье, что пока ядра все больше пропадали попусту. В основном перелеты. Только это ненадолго.

В районе второй группы по-прежнему свалка. Кажется, их все-таки сбили с позиций. А помочь я ничем не могу. Теперь вперед пошла вражеская пехота, и нас продолжали долбить ядрами. Самый страшный момент. Ты не можешь никуда уйти, неподвижно ждешь очередного гостинца. Рядом падают хорошо знакомые люди, кричат искалеченные, а ты стоишь столбом. Только и остается, что вспоминать названия: Ростовский, Вятский, Черниговский, Муромский, Нижегородский, Апшеронский, Воронежский полки. Дать слабинку и отойти из-под обстрела в лес — это позволить нанести удар им во фланг. Нельзя! Надо стоять!

И тут в меня ударило ядро, снеся по пути голову казаку, держащему поводья. Я с хрипом подскочил, сев на кровати. Сердце стучало со страшной скоростью, спина вся мокрая... Сразу и не сообразил, где нахожусь. Ей-богу, тогда спокойнее отнесся. Точнее, просто ничего не понял. Вот сижу и изучаю обстановку — а через мгновение валяюсь на земле. Столько лет прошло, а все трясет. Почему никогда не могу проснуться и вечно дергаюсь? Ведь помню прекрасно: сон. Пусть и реальный, о взаправдашнем, да бывшее.

— Опять? — озабоченно спросила Стеша, приподнимаясь рядом. — Ядро?

— Да. Снова пришло.

— Все хорошо, — глядя меня по голове, как маленького ребенка, говорит. — Было и прошло.

— Ну да, — уже спокойнее бормочу, — нога снова болит.

Тогда, почти тридцать лет назад, сломал на совесть. На счастье, ничего не оторвало, прямо в жеребца угодило. До сих пор его жалко. Ухоженный и дорогуший. Специально под меня не хуже кирасирского подбирали. Вот он своей тушей и устроил радость на всю оставшуюся жизнь. В тот момент я имел даже силы и наглость с носилок отдавать приказы. Я же начальник! Полководец! Подвиги совершаешь в момент текущего из ушей

адреналина, а потом остаток своих дней жалеешь, почему сразу не лег на лечение.

Хорошо еще гипс своевременно наложили. Это не морфий с эфиром, удобный способ сращивания костей быстро пошел в медицину, и даже простой народ оценил. Так потом и прыгал на костылях по Кенигсбергу. А теперь на погоду ныть регулярно начинает. Хуже того, сон в последнее время снится. И в подробностях, будто сызнова в бой угодил. Хочу, но ничего изменить не могу. Даже не выдержал и в церковь ходил. Помолиться. Пользы ноль. Вреда, впрочем, от сей частенько появляющейся неизвестно зачем картинки тоже не наблюдается.

— Так не мальчик уже, — сказала Стеша ласково, — у кого в этом возрасте ничего не болит.

— Утешила! — сердито восклицаю, отталкивая ее. — Лучше бы промолчала. — И принимаюсь искать ногой тапочки возле кровати, чтобы встать.

В умывальной комнате с недоумением уставился в большое зеркало. Господибожемой... Вот эта опухшая со сна рожа — я. Чтобы рассмотреть подробно, надо приблизиться. Зрение без очков уже негодное. Шестьдесят четвертый год пошел. Старый, с заметным брюхом, которое легко отрастить, но почти невозможно избавиться, заимев, и седой. Трое сыновей, не считая дочки, по-прежнему официально числящейся моей племянницей. Кроме Юрия, у всех уже свои дети. Мои внуки и внучки, стало быть.

Ничего удивительного, выросли дети. Иван Михайлович третий человек на Кавказе после генерал-губернатора и Суворова. И командующий его ценит не за происхождение. А я ведь прекрасно помню Ваню маленького. Как будто вчера на руках держал. Я имею внуков! Ну совершенно не чувствую себя пожилым. Я еще о-го-го. По крайней мере в мыслях. Как был в иных отношениях мальчишкой, так и остался.

Неужели все старики в душе всего лишь постаревшие мальчишки и девочки? Ой, не верю. Это от характера зависит. Мало, что ли, видел молодых со стариковским поведением? Хм... А я ведь по прежним законам уже пенсионер. С шестидесяти вроде, или срок увеличили... не помню. Последнее время стал задумываться о пользе незнания. Ну вот сиди у меня в памяти точная дата смерти господина Ломоносова, счастья бы это точно не добавило.

Дни текут, незаметно уходят годы, и приходит ужасная мысль о скорых похоронах. Натурально страшно. А сейчас я просто живу и не в курсе приговора. Завтра? Послезавтра? Через пять лет? Лучше не ведать и радоваться настоящему. Тем паче я не уверен в совпадении сроков. Иначе себя веду, наверняка по-другому питаюсь и старательно слежу за здоровьем, благо могу позволить себе выписывать лучших докторов, а их рекомендации внимательно изучать, заодно прислушиваясь к советам Павла.

Я, конечно, почетный академик всех существующих Академий наук, но давно уже страшно отстал от развития лечебной премудрости. То есть кое-что соображаю, но предпочитаю помалкивать в основном. Вступать в споры глупо, проще не выполнять указания. А Павел по-прежнему в теме. Его институт жутко разросся и давно обскакал лучшие мировые университеты с их медицинскими факультетами. У моего старого приятеля куча отделов, лабораторий, три десятка сотрудников и больше сотни технических работников, не считая услуги. Приличных размеров деревня.

Совместными усилиями наших как молодых, так и заслуженных российских исследователей выработаны в высшей степени стандартизованные методы проведения экспериментов на животных, в частности на белых мышах, охотно демонстрируемые всем любознательным и публикуемые для врачей.

Именно доктора и были нашими главными противниками при вакцинации. Возмущенные вторжением в область, которая, по их мнению, была недоступна пониманию тех, кто не окончил соответствующего учебного заведения, они поливали наше общее дело потоками оскорблений и клеветы. А Павел работал и работал. Оспа, дифтерит, бешенство, столбняк, сыворотки от змеиных ядов, геноцидные бактериальные мази. Невзирая на летящие годы, одержимо пялился в микроскоп и ставил сто тысяч первый опыт, перепроверя полученный положительный результат.

После эпидемии чумы на юге Анна Карловна всерьез озаботилась и повелела заняться и этим, выделив солидные средства. Павел приехал в Крым с готовым планом действий. В маленькой лаборатории чумные культуры подвергались поочередно самым жестким воздействиям. Их глушили химическими веществами, травили всевозможными гадостями, по-

догревали, высушивали. Два года кропотливого труда. Одно дело теория, другое — предохранительная вакцина от чумы, которую никто никогда прежде не изготавливал.

Закончилось это тем, что он сделал себе прививку противочумного препарата. Повторил мой «подвиг». Только в отличие от оспопрививания никакой гарантии Интернет дать не мог. Как позже выяснилось, запросто мог и помереть. Из двух тысяч первых привитых сорок скончались. Зато из не получивших вакцину погибало трое из четверых. Результат более чем положительный. Теперь каждая собака в Европе знает про теорию Ломоносова о микробном происхождении болезней и его замечательные слова: «Если в организм человека ввести убитых или ослабленных болезнетворных микробов, то в нем выработаются сопротивительные силы, образуется иммунитет, невосприимчивость к данному виду микробов...»

И второе утверждение пока никто не опроверг: «Тот или иной фактор может считаться причиной заболевания, если удовлетворяет по крайней мере трем условиям: присутствует в заболевшем, может быть выделен из заболевшего и способен передавать болезнь при введении вторичному хозяину». Правда, Павел тихонько поправляет, надо писать дополнительно «животного» вместо просто «присутствует» или «заболевшего». Это мелочь. Человек тоже животное, и принципиально мои слова не опровергаются. Некие тонкости, не столь важные. Тем более обе словесные формулы выведены самостоятельно, без чужих идей.

Другое дело правильное выполнение методик и технологии производства. Хватало случаев, когда вместо спасения людей заражали по глупости и неумению. Тем с большим уважением относятся нынче к Институту России. Вот так скромненько называется. Тем более что добрую часть бюджета теперь получает от государства. Давно уже не идет речь о прибылях. Люди важнее.

А мне не обидно, что он достиг многого. Я не про ордена и дворянство. Сам не хуже. Правда, в другом смысле. Ту же Восточную Пруссию не зря брал. Теперь она навечно губерния империи. Не знаю, как бы повернулось, не окажись я там. Ласси в очередной раз захотел быть добреньким. Он был готов согласиться на предложение делегатов от Кенигсберга. Те, понимаете ли, щедро предлагали оставить им все существующие

льготы и вольности, а заодно победитель может брать только те товары и имущество, которые принадлежат прусскому государству. Будто от лица неприступной крепости говорят, а не просят милости для беззащитного перед лицом врага города.

Мы на поле сражения удержались только благодаря своевременному подходу частей под командованием Ломана. Не зря Армфельда посылал. Но и потеряли убитыми добрых четыре тысячи человек и не меньше десяти тысяч ранеными. Пруссаки даже больше, однако это слабое утешение. Зато они, не добившись успеха, моментально очистили всю Восточную Пруссию. Никаких сил цепляться за землю после девятичасового кровопролитного боя уже не имелось. А к нам могли подойти подкрепления из Литвы.

— Пора браться, Михаил Васильевич, — заявила Стеша, появляясь в дверях.

— Только тебе и доверяю, — соглашаюсь, принимаясь наконец мыться.

С какой стати Россия не должна была получать с завоеванных земель рекрутов, налогов и прочих контрибуций? Фридрих не стеснялся драть с подданных на ратные нужды. А мы чем хуже? Любые военные действия надо совершать в максимальную силу и упорно ломить к цели. Естественно, она должна быть достижимой. Нельзя пытаться маршировать на Париж, имея возле Вислы четверть боеспособной армии. Полезнее ловить интерес поближе.

Я позволил желающим уехать, увозя вещи и личные ценности. То была максимальная льгота. Под сенью двуглавого орла провинция не имеет права получить лучшие условия, чем под одноглавым гогенцоллернским, и тем более чем русские провинции. На общих основаниях, господа.

Жители городов должны были принести присягу на верность российской императрице. Каждый произносил слова, зачитанные пастором, и подтверждал своей подписью добровольное согласие. К больным приходили домой. Такая же процедура соблюдалась по всей провинции, и во время публичных богослужений имени Фридриха II и кронпринца заменили именами императрицы Анны и великого князя-наследника.

Со временем и еще кое-кто уехал, особенно когда подписали мирный договор и стало ясно, что положение сохранится навечно. Даровать прибалтийские привилегии на манер Петра Вели-

кого никто не собирался. Мало того, после окончательного согласования границы сюда массово переселяли казенных крестьян из России. Не самые лучшие территории, но требовалось создать лояльную опору для власти. На конфискованных у здешних не желающих оставаться дворян и чиновников землях, а также пустующих и принадлежавших ранее прусским властям селили русских и белорусов. Право владеть официально закреплялось исключительно за подданными империи. Позднее это облегчило и борьбу с польскими помещиками, позволяя отобрать имения у оставшихся в Австрии хозяев.

Фактически, не юридически, новопоселенцы получали вольную и могли заниматься любыми ремеслами и заводить собственное дело. Понятно, таких на первых порах меньшинство, но крестьяне обустроились недурно в сравнении с Центральной Россией. Хутора, собственная земля и полное отсутствие барина. Бытие, как водится, определяет сознание. Большими общинами не живут и прямо на глазах превращаются в отъявленных кулаков.

Им, кроме стандартных налогов, ничего платить не надо, и барщины нет. При этом урожайность много выше российской, а рождаемость заметно подскочила. Через пару поколений не меньше половины будет от общего населения. Восточная Пруссия, которую называют официально Балтийской губернией, станет со временем неотъемлемой частью империи. А заодно эти люди и барьер между Германией и прибалтийскими немцами.

— Ты должен с Юркой поговорить, — сказала Стеша, намывлив мою физиономию и приступая к бритью.

— А почему не Сашкой или Софьей? — интересуюсь брюзгливо.

— Нет, — она всплеснула руками, в одной из которых, между прочим, опасная бритва, — неужели тебе не важно?! С ней-то уж точно не мешает.

— Пусть с девочкой мама с папой разбираются. Это их идея была — брак с Потоцким. Я с самого начала возражал. На черта нам чужие богатства, подумаешь, шестнадцать сел с тремя тысячами мужиков, своих хватает!

— Вот потому она к нам приехала, а не домой. Знает ваше отношение!

— А то у нас мало народу в доме проживает помимо нее!

Так, это было лишнее. Татьянины дети, да и сама она меня не раздражают. Впрочем, как и остальной эскадрон. Геннадия потомки, дети и внуки сестер и брата, куча разнообразных крестников из казаков вечно навещают. Иной раз наткнешься в саду и недоумеваешь. Рожа знакомая, а как зовут — забыл. Слишком много развелось вокруг народу. И ведь у большинства есть дома и даже собственные деревни, но от приехавших в гости дальних и близких родственников избавиться невозможно. У того дела в столице, у этого отпуск из армии, а иные просят приютить на время. Трагедия, видите ли, в семейной жизни.

Собственный разветвленный клан полезен при неурядицах любого рода. От царского неудовольствия до неурожая или неудачного вложения денег, способного повлечь за собой разорение семьи. Имея множество деревень в разных губерниях и разные производства, всегда легче переносить неурядицы. Правда, приходится не забывать о месте патриарха. Официально мое слово последнее и обжалованию не подлежит. А фактически Стеша в семействе и хозяйстве владыка, безраздельно правящая домом и всем с ним связанным.

Это сложилось незаметно и в первую очередь к моей выгоде. Вечно занят был и на мелочи не обращал внимания, перевернув Стеше. Вот и стала она центром и душой семьи Ломоносовых, а заодно и Шадриных. Наш союз прочен и полезен. Даже с моим братом Ванькой она больше общалась лично и письменно, а уж его дети и внуки в моем доме чувствуют себя родными в первую очередь не из-за меня.

— Послушай, Стеша, — после длительного размышления сказал я почти застенчиво, — ты на меня не обижаешься?

— Это с чего? — обтирая мне лицо полотенцем, удивилась она.

— Ну столько лет прошло, а мы в церкви и не были. Невенчаные живем.

— Ой, да теперь только людей смешить! Дети наши справные, и не просто Ломоносовы, графья. — Она хихикнула.

По нынешним временам такое титулование выше княжеского будет. Я высокоблагородие, а родовитым князьям такового не положено. А еще сиятельство, как сенаторы, и Стокгольмский, что гораздо почетнее, и таковых нас на всю Российскую империю помимо меня всего три: Давыдов-Крымский, Долгоруков-

Кавказский и Ломан-Балканский. Фридрих Ломан уже скончался, однако потомки имеются, и подобное отличие не последнее дело.

Про себя можно признать, гениальных полководцев среди нашей компании не имелось, зато все настоящие крепкие профессионалы и научились не следовать слепо шаблонам и инструкциям. Так что честно заслужили титулы весомыми победами на полях сражений.

— Сказал бы мне кто в детстве...

— Дворяне паршивые, — говорю зло. — Знаешь, что мне Юрка заявил, когда я ему в последний раз нотацию читать пытался? Ты, говорит, сын крестьянский, а я — фельдмаршала. Мне так прижимисто вести себя нельзя. Я эту родную кровиночку чуть не прибил за такие слова.

— Перебесится, — с не особо понятной мне уверенностью отмахивается Стеша. Будто не сама буквально сейчас просила воздействовать. Гулять наш сынуля научился не по-детски, а она все над младшеньким трясется. Здоровый уже лоб, я в его годы полком командовал.

— В армию отправлю! — вознегодовал я. — Пусть послужит как нормальный человек и в чувство придет. И не на Кавказ, под крыло к брату. В Сибирь загоню!

Глава 2 ПОЧТИ ВНУЧКА

— А, ты уже здесь, — говорю, с удовольствием разглядывая Софью.

Девочка выросла высокая и очень симпатичная, на мой взгляд. Не красавица, но без излишней полноты, столь ценной в нынешнее время. На щеках приятные ямочки, когда улыбается. Всегда нравились такие. Полногрудая, с яркими живыми глазами, умело подчеркивающая фигуру платьем. Современная стилизация под крестьянку. Никто на улице не спутает, но это специально под мои простые вкусы надето. Что-то ей точно надо.

— Вас жду, — почтительно заявляет и ресницами хлоп-хлоп. Сплошная невинность.

Я на такие штуки и в молодости не покупался, зато теперь уверен в правильности догадки.

— И почему тебя родители не назвали Еленой, прекрасная?

Тут она мило и незапланированно покраснела. Блондинка с нежной кожей, и румянец на щеках хорошо заметен.

— Скажете тоже!

Главное, она во всех смыслах здоровая и крепкая. В детстве простая пища, подъем спозаранку, отсутствие сюсюканья. Бегала босиком с деревенскими и казачьими детьми по улицам.

— А я всю правду нынче говорю. Теперь уже можно.

— То есть раньше ввали регулярно, Михаил Васильевич? — заинтересованно спрашивает.

— Софья! — возмущенно воскликнула Стеша.

В восемнадцатом веке не было принято, чтобы родители воспитывали детей, а бабушки с дедушками баловали. Старшее поколение обычно следило за поведением отпрысков даже более строго и нередко отчужденно. Внуки с внучками наносили визит лишь изредка. Другое дело Софья. Она у меня с рождения жила. И кем приходится, я затрудняюсь определить. Евдокия Васильевна, мать ее, мне вовсе не дочь, а сводная сестра официально.

На свадьбу Дуське я подарил в качестве приданого сорок тысяч десятин в Уфимской губернии. Приобрел незнамо зачем по бросовой цене, чисто из жадности после башкирского замирения. Потом с Украины полторы сотни семей перевез, пообещав освобождение от любых повинностей, кроме подушной подати, на пять лет.

Когда мой бывший адъютант, выйдя в отставку по ранению (в отличие от меня так легко в Пруссии не отделался), туда с семьей прибыл, его, естественно, встретили без особой радости. Эти куркули недурно развернулись без пригляда. Каждое крестьянское хозяйство к тому моменту держало десять — двенадцать лошадей и пятнадцать — двадцать коров. Кур, уток, гусей и индюшек никто не считал.

Теперь он пишет рассказы, восхваляя прекрасный и обильный край. Даже две книжки издали «Охотничьи рассказы» и «Моя земля». Мне понравилось. Красиво природу описывает и повадки звериные. Я так не сумею. Поэтическая натура. Ценить таланты надо. Потому издал в своей типографии, тем более приличных русских писателей надо поддерживать. И оба

раза тиражи расходились моментально. Пришлось дополнительные печатать. Умудрился на зяте чуток заработать.

А хозяйством занимается Дуська между родами. Семерых детей мужу подарила. Софья была первая, не захотели с маленьким ребенком ехать в глушь. Не дай бог, что случится или заболит. Вот с тех пор и живет. Раза три к родителям ездила, но дом ее здесь. Мать железная баба, прости меня господи, за такое слово. Дворянка как-никак. Но нечто от Ломоносовых по части деловой хватки передалось. Ничего ужасного, такое частенько случалось. Мужчины пребывали на государственной службе, в домашние заботы не вникали, а хозяйством занималась женская половина семейств. Чтобы не распустить холопов и сохранить доходность имений, требовались характер, смекалка, воля и оборотистость.

Командует в доме нынче не супруг. У Гусева всего пяток душ и жалованье имелось, а Дуське от меня столовое серебро досталось да пять тысяч рублей, да еще восемь от Ивана. Его не напрягает возвышение сестер. Всегда был легкий человек, и интересы совсем в другой области лежали.

— Как же без этого государственному человеку? — усмехнулся я. — Идем уж завтракать, мадам Потоцкая.

— Я Гусева! — с негодованием воскликнула Софья.

Вот ей всерьез не повезло. Или напротив — это уж как посмотреть. Замуж шла по сердечной склонности за молодого, что не часто случается. Еще богатый и делающий карьеру. И все было просто замечательно. Три месяца. Пока не поймала на любовнице. Все бросила и отправилась домой. В смысле ко мне.

Раньше бы я этот вопрос решил через императрицу в кратчайший срок. Теперь проблема. Подать на развод и получить его — разные вещи. Некоторые годами дожидались решения Синода — далеко не всегда благоприятного. Обоюдного согласия супругов считалось недостаточно. Для церковного расторжения брака требовались серьезные основания. Например, отсутствие детей. Но Потоцкие были молоды и еще имели шанс обзавестись наследниками. А доказательства прелюбодеяния, как и свидетели, отсутствуют. Все знают — было, иначе поведение жены не объяснишь. Сам супруг отмалчивается, не отрицая случившееся, но юридически не доказано.

Естественно, весь высший свет заинтересованно обсуждает создавшуюся ситуацию. Я бы скота убил, надо же иметь наглость предложить ответно выбрать любовника из его друзей. Это мне Софья сама рассказала, и не имею причин не верить. Явно с головой не порядок у дебила. Только граф изволил отбыть в поместье и не кажет носу в Петербург. Приятного во всей истории и для него мало.

Мне он с самого начала не нравился, но становиться поперек дороги у влюбленной девушки я посчитал неразумным. Тем более брак организовывали женщины и справки наводили. Ничего реально предосудительного не выявили, иначе бы не сладилось.

— Ты у нас Ломоносова, — сказал я ласково, обнял ее за плечи и подтолкнул в сторону столовой.

— А что? Тоже неплохо!

На стенах столовой висят семейные портреты. Не парадные, в застывшей напряженной позе, при всех орденах — такой у меня единственный имеется. Подарок от благодарного купечества к пятидесятилетию. Я для него даже не позировал. Где-то в чулане висит.

Эти писали ученики Художественной академии России, я лично отбирал наиболее понравившиеся. Им лишний заработок, большинство ведь без особых доходов, а мне память. Забавно смотреть на растущих детей и стареющих родственников. Стеша, например, лет десять назад отказалась от очередного портрета. Не хочет видеть себя постаревшей. Зато в кабинете в рамке прямо на столе держит мой давний рисунок. Она там еще девушка.

Завтрак идет по давно заведенному порядку, включая поданные блюда. Без особых изысков. Обычная атмосфера домашнего круга. Когда я ем, то глух и нем — не про нас. За столом вполне можно завести разговор о политике или последних распоряжениях, касающихся армии. Просто эти темы сейчас старательно обходят.

Обмениваются репликами по поводу домашних забот, новых платьев, болезней и обсуждают последнее письмо от Ольги. Сеструха у меня путешественница. Столько лет не вылезает из-за границы, что, наверное, уже и не помнит, откуда родом. Письма, правда, исправно пишет, нас с Дуськой не забывает.

Теперь уж и не помнят многие, а отправка в Вену ее супруга Густава Армфельда с официальным поздравлением по случаю бракосочетания эрцгерцога Иосифа, будущего императора Иосифа II, было событие не рядовое. По тем временам огромный прорыв. Ольга Васильевна первая из русских дам в новом царствовании сопровождала мужа в служебном путешествии за границу. Натуральный вызов во многих отношениях.

Сам Густав швед, жена только по названию дворянка, и последний раз за границу совместно супруги из России ездили как бы не при Петре I. Такой толстый намек на возможность карьеры и подданного Швеции — уния дает тебе шанс высоко подняться, и женской эмансипации. С тех пор прошло много лет, а Армфельд так и продолжал кочевать из Копенгагена в Вену и далее в Лондон в качестве посла, ну и супруга с ним.

Очень удачный, как оказалось, выбор. Помимо знания нескольких языков и умения контактировать с самыми разными людьми, в чем я убедился, используя его в качестве ординарца в Восточной Пруссии, он реально руководствовался девизом «Meine Ehre heisst Treue!», то есть «Моя честь — это верность». Дав присягу и женившись, ставил в первую очередь интересы страны и семьи.

Я даже передал ему основные контакты с купленными газетчиками и жадными пэрами. На месте удобнее разбираться. Дипломат восемнадцатого века личность достаточно скользкая. Он вправе вербовать себе открытых сторонников и тайных осведомителей. Примеров подкупа официальных лиц самого высокого ранга несть числа. Такие вещи вообще никого не удивляют. Иным российским министрам иностранные государства до меня платили регулярно немалые суммы. Почему нельзя провернуть обратное? Еще как можно! Как минимум дважды я сумел повлиять серьезно на английскую политику, поработав с оппозицией и газетами. Денежки тамошние кадры любят ничуть не меньше всего остального человечества и родное правительство сдавали за милую душу.

— В былые времена, — со вздохом сказала Татьяна, — спектакли следовали через день: в понедельник — французская комедия, в среду — русская, в четверг — трагедия и опера. Маскарады...

— Это давно было, — включаюсь. Кажется, что-то упустил, отвлекшись.

— Да, — с грустью подтвердила свояченица, — в последний год токмо один раз спектакли давались, в четверг.

— Ну вот сейчас опять в среду, — неуверенно сказала Софья.

— Другое! Ой, ты не обижайся.

— Стоп! — в удивлении потребовал я. — Это о чем мне не доложили?

— «Гамлета принца Датского» ставят в Императорском театре, — подала голос Стеша.

— Софьи перевод?

— Ну да.

В 1745 году Сумароков впервые напечатал свой вариант «Гамлета» в стихах. Проблема одна: в его переложении пьеса мало походила на Шекспира. Тот, собственно, и сам не стеснялся перелицовывать чужие идеи и сюжеты, но слово «перевод» к чему-то обязывает. А тут в пьесе появились дополнительные персонажи. Конец трагедии счастливый — Гамлет и Офелия живы. Короче, бред.

Уж на что не люблю Третьяковского, однако с ним согласен в критике в данном случае. Тот считал недопустимым перевод не с английского оригинала, написанного белым стихом, а с французского изложения в прозе. А уж превращение трагедии в комедию и вовсе ни в какие ворота. Имел несчастье высказаться как-то за столом по этому поводу. Обычно в литературные разборки не лезу, но тогда по мне в очередной раз проехали по поводу моих словесных трудов.

Точнее, в связи с очередным изменением английской политики Анне Карловне втемяшилось подколоть тамошний двор. В результате я создал пьесу из тамошней жизни. Попутно зацепив не только Англию, но и почитателей «голубой крови». «Пигмалиона» я не читал и даже фильма не видел. Зато мюзикл «Моя прекрасная леди» посещал. Еще в школе водили. Первый и единственный раз. Не знаю, что нашей «англичанке» стукнуло.

В результате стихов, естественно, в памяти не осталось, зато сюжет вполне сохранился, с немалыми подробностями. Чем я не Шекспир, обирать других? Скандал вышел знатный, когда в Париже пьесу поставили. Больше сотни раз шло представление. Мне, разумеется, шиш, но я не претендовал на зо-

лото. Что просили, то и подсунул через Голландию. Авторство уже задним числом всплыло.

Софья сделала неожиданные выводы из этой истории и моих слов. Взялась за английский язык всерьез. Современные барышни знают по три-четыре языка и зубрят изящные манеры параллельно с игрой на музыкальных инструментах. В один прекрасный день принесла для ознакомления и посоветоваться «Макбета» на русском в стихах. Ничего такого от нее не ждал. Убила наповал. То ли от меня, то ли от отца достались неплохие литературные способности. Действительно сумела, не ломая пьесу, передать всю красоту сюжета сочным родным языком. Я даже не посмел редактировать. Так, указал на несколько мелких погрешностей и похвалил в обалдении.

На сегодняшний день у нее взяли для постановки в профессиональных театрах «Ромео и Джульетту», «Отелло», «Короля Лира», «Макбета», «Укрощение строптивой». А еще я подсунул Киплинга. Сказки про Маугли и прочих слонов с леопардами когда-то напечатал в детском приложении к «Ведомостям». А вот стихи не рискнул. Адекватно перевести с английского не смог бы, а учил в школе именно на языке острова. Еще в первый год переноса записал, пока не выветрилось из памяти. Теперь выдал якобы за слышанное от моряка из Великобритании. Даже имя правильно указал.

Получил в лучшем виде целый тематический сборник, который, напечатав в типографии, пустил в продажу. И про бремя белых, и про солдат, и баллада о Западе и Востоке, и про службу королеве. Много разных. Сам не ожидал, что столько вспомню. И частенько созвучно нынешним временам. Да что там, в любом столетии остается неизменным: падальщики могут пожирать плоть, но им не под силу испортить репутацию. Этим обеспокоены лишь люди.

Теперь еще и Гамлет. И ей всего восемнадцатый год. Хвала всем богам, перестали в пятнадцать отдавать замуж, а то вообще бы сломалась влюбленная дурочка. И ведь неплохие мозги и художественный вкус имеет. Глядишь, меня обставит, причем благодаря своему труду, а не заимствованным стихам и басням.

— А надо ли? — спрашиваю. — Сейчас не столько о пьесе говорить станут, сколько о Софье лично и ее разводе...

Женский коллектив уставился на меня с негодованием.

— Императорский театр — это высшее признание!

— Они договаривались о постановке задолго до этого сего прискорбного происшествия!

— Да пусть болтают! Не собираюсь прятаться от общества!

Последнее, безусловно, имеет смысл, и немалый. Чего ради отказываться от заслуг. Уж я-то знаю, насколько тяжел труд переводчика и особенно подобный. И в курсе, что она втихомолку пытается написать что-то свое. Пока не показывает. Боюсь, выйдет у нее после поломанной супружеской жизни нечто трагическое.

— Тебе решать, — говорю, демонстративно разводя руками. — Но мы все будем на премьере.

— Уж обязательно, — поддержала меня Татьяна.

Стеша как раз и пойдет не со мной, а с ней. Моя невенчанная жена до сих пор старательно выдерживает дистанцию. Вся Россия с просвещенной Европой в курсе ее существования, но официально мещанка с графом в одной театральной ложе? Фи. Скандал. Наверное, я все-таки свинья. Детей признал, а ее нет. Давно об этом не задумывался. Жить вполне комфортно и без того. Мне. А ей?

— А можно тебя попросить кое о чем? — спросила Софья тетку.

— Конечно!

— Ты бы не могла рассказать об императрице? Такое... что одним лишь близким ведомо.

— Ну знаешь! — Татьяна вскочила и вышла из столовой, практически маршируя, с прямой спиной, источающей обиду.

Стеша устремила за ней.

— Деда, ну что я сказала плохого? — жалобно спросила девочка.

Когда мы на людях, Софья зовет меня согласно этикету на «вы» и по имени-отчеству. А вот как сейчас назвала — исключительно наедине. Никогда не поправлял и не возмущался. Наверное, я неправильный старший родич. Не проявляю строгости. Мне приятно, что она бегаёт излить душу ко мне, а не к Стеше. Про ее родителей уж и не вспоминаю. Мы Софье точно ближе.

— Государыня не любила менять старых, проверенных слуг, — говорю. Не вижу смысла темнить, а объяснить поведение необходимо. — Весь ближний штат при ней трудился мно-

го лет. Татьяна не меньше сорока, еще при Анне Иоанновне начинала. Старилась вместе с хозяйкой и считала преданность высшей добродетелью. Она многое знала и, наверное, ближе всех из этого круга была посвящена в личные дела императрицы. Когда Анна умирала, не бегала в поисках нового покровителя, а сидела рядом до самого конца. Не за деньги вытирала слюну, текущую изо рта, и прочее. Из преданности и уважения старалась.

— Так я ничего плохого и не думала.

— И не надо ее трогать. До сих пор болезненная тема. Меня и сейчас не простила.

— А ты при чем?

— А я не находился возле одра. Государственные дела решал. Она ведь не сразу умерла. Сначала удар. Потом второй. В промежутке уже практически не вставала. А страна никуда не делась. Сегодня одно, завтра другое. Надо решать и резолюции накладывать.

Я так канцлером и не стал, зато мало что под занавес правления Анны двигалось без моего одобрения. Служба никогда не кончается, пока в отставку не отправили. Ежели что не так, то задним числом последует разнос, а ждать дела не могут.

— А правда, после нее остался дневник? — жадно спросила Софья.

— Тебе-то это зачем?

— Деда, я хочу написать про тебя.

— Чего?

— Никто не может отрицать твоего вклада в историю и огромных заслуг не только для России, для мировой науки, — торпливо сказала она. — Но уже сейчас ты для многих не живой человек, а некая функция.

— Ну спасибо.

— Нет, правда. На тебя молятся и ненавидят, мечтают превзойти и ищут недостатки в идеях и достижениях.

— Я даже знаю, кто эти люди, особенно по части нелюбви.

— Я хочу написать правду, как оно было.

Вот не было печали. Теперь не успокоится. Не в первый раз. Как втемяшится в голову, так и будет доставать, пока не получит желаемое. И с замужеством то же случилось. Ее вроде бы Стеша не подталкивала. Сама рвалась. С другой стороны, может, обжегшись один раз, думать начнет.

— Кому такая книга нужна?

— Людям. Будущему.

— Допустим, она, правда, малоприятна, тогда что?

— А кто говорил «не бывает счастья для всех»?

— Делать мне больше нечего, только отвечать на глупые вопросы, да еще и честно.

— Ну деда! Это же замечательная возможность высказаться перед потомками. Ты не ангел, но ведь сколько добился!

— Люди любят находить себе оправдания. Любой негодяй и подлец с легкостью покажет пример худший, чем он сам. На этом основании можно собой гордиться и остаться довольным собой. А я натурально не самый приятный человек. Много делал вопреки морали, случалось, и поперек чести. Да не все даже окружающие знают. Зачем мне подобная слава?

— Так надо взгляд дать, почему так поступал. Твой, со стороны, для государства. Почему думал так, а не иначе, и чего добиться хотел.

Ну да. Похоже, мои былые статьи про источниковедение и критическое отношение к словам и документам тщательно проштудировала. Подлизывается. Или вправду хочет биографию написать? Хм... при авторстве близкой родственницы однозначно претензии будут, что ни нарисуй.

— Не доросла ты еще до правильного соблазнения опытного человека. Нет, если покажешь ножку, задрав подол, — поспешно уточняю на вполне понятный жест, — многие пойдут на край света, но я о другом.

— Да-да! — горячо сказала Софья. — Украшает женщину скромность, благопристойность и стыдливость. Боюсь, не для меня этот путь.

— С чего бы это?

— Не испытываю желания идти по обычной женской стезе.

— Дурочка ты. Жизнь длинная, и прожить ее желательно приятно. Придет срок, встретишь еще правильного мужчину.

— Может быть, — кивнула решительно, — только не собираюсь ждать дома сего счастливого часа. Хочу добиться широкой известности не одними переводами. Такой хватки, как у госпожи Шадринной, у меня нет...

Так и не научилась Акулина Ивановна нормально писать, сначала дочь за нее старалась, затем секретаря держала. Что совершенно не мешало ей управлять немалым хозяйством и

контролировать детей. Указания она им рассылала не часто, но на моей памяти никто не посмел не выполнить приказ. В среде купечества пользовалась огромным влиянием, а от дворянского титула сама отказалась. При ее капиталах и с моей поддержкой могла себе и без того многое позволить.

Подчас жестокая, она была тем не менее верующей женщиной, много жертвовала на церкви, а перед смертью сделала удивительную вещь: призвала в зал своего роскошного дворца, построенного Растрелли, крестьян, соседей, семью и при стечении народа повинилась в содеянных грехах. Немалое мужество требуется для подобного. Я бы не посмел. И просила она тогда прощения не у Бога, а у людей. Для многих реально стала примером. Особенно для женщин.

— Зато писать нравится, и я знаю о ком!

— Вечно вы, Гусевы, норовите меня отобразить. Вот пиесы пиши. Не Мольера и Шекспира перевод — свое.

— Нет, у папы не то, — махнула рукой она. — Война, куда пошел батальон и упало ядро. По-моему, он брал пример с Плутарха. Честное слово, «Охотничьи рассказы» много лучше.

— Так он стал старше и мудрее. Потерпи лет десять, и тоже стиль улучшится. Мудрость охотно посещает женщин, когда от них бежит красота.

— Хочу создать нечто более объемное, — не слушая, продолжала она гнуть в прежнем направлении. — Пройдет небольшой срок, и не станет достоверности от первого лица, зато появится в угоду иным властителям политизированная критика.

Это такой тонкий намек на нынешние обстоятельства.

— Мою биографию Вольтер предлагал написать, да на черта мне сдалось деньги за то французу платить, — хмыкнув, говорю. — Ты хоть понимаешь, чтобы действительно что-то интересное создать, нельзя пользоваться только воспоминаниями. Через годы на многие вещи иначе смотришь, да и подзабылись старые тревоги со сложностями. Характеристику у вельмож можно получить яркую, да не соответствующую прежним идеям. За минувшие при моей жизни полстолетия Россия очень изменилась. Даже высшее общество заметно переменилось. Для серьезной работы над биографией политического деятеля лучше быть историком, чтобы разбираться в массе научных теорий, полемике и документах.

— А ты допустишь до своего архива? — подавшись вперед, быстро спросила Софья.

— Да с удовольствием! Через три года выползешь оттуда вся в пыли, заскучав. Там бумаг собраны пуды без всякой системы. Кое-что по годам, а большинство навалом. Там тебе не библиотека с карточками и кодами по алфавиту и языкам собранная.

— Это ведь ты систему библиотечную внедрил с целью удобства поиска?!

— Я. Нормальное дело — сапожник всегда без сапог. Что мне важно, я и так мог найти. А чего не помню, как хозяйственные ведомости и балансы, то и обойдусь.

А чего я, собственно, упираюсь? Кто и зачем пишет биографии? Ну если отместить благоговение перед объектом исследования или страстное желание обмазать его фекалиями. Главное в подобных книгах всегда Успех. Как его достиг человек, что помогло ему состояться. Вспомнят еще раз. Может, и найдутся берущие пример. Не самый худший вариант из существующих. Все же я много куда руку приложил и пользы России достаточно принес.

— Ладно, — вставая, говорю, — пойдем-ка прогуляемся. У меня моцион для здоровья. Да и тебе полезно воздухом подышать. Пиши что хочешь. И в архиве можешь копаться сколько угодно, и на вопросы честно отвечу. Только условие...

— Я ничего не напечатаю и никому не дам читать без твоего разрешения, — поспешно пообещала она. Как бы с отцом не проконсультировалась предварительно.

— Нет! Я читать не стану, исправлять тоже. Только поклянись на люди вынести после моей смерти. Не раньше.

— Почему?

— Допустим... да что там, знаю абсолютно точно, в бумагах найдется письмо, где я или мой корреспондент называет человека откровенно ругательными выражениями. Зачем на пустом месте через много лет скандал с ним или его родственниками? А ведь, возможно, иначе не объяснить иных поступков. В глаза улыбались, за спиной хуже дерьма считали. Политика!

— А кто корреспондент, не императрица?

— Так вот, — не отвечая, продолжил я, — урок тебе для начала. Даже если заменишь матерные слова невинными, на любой цитируемый чих, как то: письма, доклады, интервью со

мною или другими людьми, — должна иметься либо бумага, либо подпись под записью беседы. Отбирай в отдельную папку важное и нумеруй, чтобы знать в будущем точное место хранения. А то ведь недолго за клевету под суд пойти. Или за оскорбление, — добавил я, подумав. — Мне там, — показал на небо, — будет уже все равно. А тебе неприятности непременно обеспечат. И не важно, что из лучших побуждений старалась. Это я как бывший главный редактор газеты наставление даю. Да и не одних конкретных людей касается. Отечество обычно не столь требовательно к матерным выражениям, но оно редко бывает благодарным. Я много чего делал ему на пользу, но любые реформы всегда бьют по большим группам населения. Мало кому приятно, особенно когда всплывет, что сознательно шел на такое, прекрасно представляя последствия.

Глава 3 РЕФОРМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Иногда у меня возникает ощущение, что живу в музее. Дворец, ага, в халупах не проживаю, был заложен еще при Екатерине I. Анна Карловна практически открытым текстом потребовала привести его в порядок. Якобы будет навещать. И действительно, в дальнейшем регулярно приезжала летом. Даже когда я отсутствовал. Эдакая неофициальная вторая резиденция. Конечно, милость великая, хотя с точки зрения финансов это достаточно затратно.

Вот и пришлось расширять и обустраивать здание. Четыре года трудились рабочие и самые известные русские и иностранные архитекторы. В немалые капиталы влетело. Вышло нечто вроде еще не существовавшего Зимнего дворца. Точных параметров и вида не помнил, но общие представления имел. Наброски не вызвали отторжения. Сейчас этот стиль именуют русским барокко, и таких зданий, включая через пять лет в очередной раз перестроенный Зимний, довольно много. Мой дворец все же оказался первым.

Правда, в городе такого раздолья не существует. А я мог себе позволить огромные парки: английский пейзажный, французский регулярный и специально сохраненную рощу. Конечно, лес не дикий, за ним ухаживают, но все же без явного вме-

шатательства и геометрических линий с подстриженной травкой и скамейками.

— Красота, — говорю с удовлетворением, осматриваясь и дыша полной грудью. — И денег не жалко, на все это потраченных.

— В слободе упорно шепотком рассказывают, — поведала Софья, — что есть во дворце комната, где пол золотыми монетами выложен. И не плашмя, а на ребро поставленных.

— Мои деньги просто так не лежат, — невольно усмехнулся я, — в обороте.

Ничего удивительного. Знаю, откуда слухи идут. Не столь бросается в глаза, но за хозяйственными постройками имеются два четырехэтажных корпуса. Там мои коллекции представлены. В одном картины и скульптуры русских или хотя бы живших в России мастеров. Книги, старинные карты и многое другое, имеющее отношение к империи. Тут и польские, литовские, сибирские вещицы присутствуют в немалом количестве. Я абстракционизмом так и не проникся и уважаю все больше «Богатырей» и вообще батальные сцены. Без разницы, с нашим участием или это некие греки, штурмующие город Трюю. Главное — достоверность изображения.

Второй корпус заполнен тоннами всевозможных предметов из древних курганов с юга. Последнее время и с Алтая тащат. Моя давняя случайная находка с Кубани, продемонстрированная на очередном приеме, всколыхнула многих. Где у помещика на земле проступали бугры, туда и лезли моментально с лопатой. Частенько портили и ломали, даже обнаружив, многие оставляли находки себе, но я по-прежнему платил за изделия больше его веса, требуя показать место и зарисовку, как лежали вещи. Даже за черепки, если склеить есть шанс, платил.

Понятное дело, барин, то бишь я, с легкой придурью, но щедрый и не только за золото с серебром монетами разбрасывается. Да и за металлы больше, чем вес, дает. Нет смысла переплавлять. Специально через газету предупредил и честно выплачивал. В результате тащили не только скифское, но и греческое, а порой попадалось древнерусское и норманнское. Я даже умудрился выделить несколько центров распространения скандинавских захоронений. Южное Приладожье (с центром в Старой Ладогe), бассейн реки Волхов (с центром в Рю-

риковом городище), Верхнее Поволжье (с такими центрами, как Сарское городище, Тимерево, Петровское, Михайловское), Верхнее Приднепровье (Гнездово), Среднее Приднепровье (Киев, Шестовица, Чернигов).

Правда, таких сокровищ, как в скифских курганах, не подалось. В основном всякая мелочь. Стеша так и не поняла, зачем мне весь этот хлам, помимо драгоценностей. Натурально никчемные траты. Так и лежит бессмысленно, включая золото с камнями. Лишь изредка гости полюбуются вещами, выставленными в застекленных витринах. Стану помирать, в завещании непременно передам в царскую сокровищницу при условии сохранения коллекций для показа. Может, хоть тогда не растащат по карманам.

С моей легкой руки увлечение историей и всяческими древностями широко распространилось по России. Куча собирателей и коллекционеров появилась. И не только по русскому искусству ударяют, хотя это стало модно, как и покровительствовать художникам и скульпторам. Покупают в Европе тамашные картины, камеи, всевозможные редкости. Хуже стране от этого точно не стало.

Я в курсе, поколения будущих археологов меня станут проклинять за деяния вроде бессистемных раскопок, не хуже чем Шлимана за разрушение Трои. Он нашел город, но принял за нужный совсем другой слой. А многие не верят в обнаруженные сокровища, говорят, якобы сам и изготовил. Ну и плевать, как было на самом деле. До здешней Трои с Тутанхамоном я пока не добрался, пусть и имелись на этот счет мысли. Мои ценности точно настоящие, и найдено много больше, чем хранилось в известных мне музеях. Все-таки художественная школа дает представление о таких вещах. Ни в каком Эрмитаже столько и таких изумительных произведений искусства скифско-сарматского и греческого периодов Причерноморья даже в запасниках не присутствовало. А ведь курганы копали и в той истории.

Скорее всего, все исчезало в карманах черных кладоискателей и переплавлялось, навсегда пропадая для историков и потомков. Кое-что наверняка угодило под воды плотин. На Днепре огромный район при строительстве ГЭС в двадцатом веке залило. А у меня оттуда масса находок. Для большинства серьезных есть точная привязка к территории. Часть с указанием,

где и что лежало. За такие вещи платил дополнительно. Может, кто для дисера получит материал. Не жалко.

— А сколько у тебя есть, деда?

— Ты знаешь, сколько в слободе человек?

Начинался поселок со строительных рабочих, теперь в нем все больше дворцовые служители проживают. Надо ведь кому-то охранять, убирать, садовники, конюхи, да мало ли кто. Отсюда всего полверсты по дороге. Софья в детстве запросто бегала, да и остальные мои дети не гнушались посещать. С самого начала приказал не селиться как попало, а согласно общему плану. Территория разбита на квадраты, в центре площадь, церковь, костел, кирха и аптека с полицией. Сегодня уже триста пятьдесят четыре обывательских и казенных строения.

— Нет, — после раздумья отвечает Софья. — Думаю, не меньше трех тысяч.

— Пожалуй, все четыре будет, — без особой уверенности возразил я. — Считаю с работающими на полотняной фабрике и мельнице. Людей и то не упомнишь. А ты про количество монет желаешь знать.

— А бабушка наверняка знает! — обвиняющим тоном воскликнула она.

— Так у нее и спрашивай, — очень логично предложил я.

— Но ты же знаешь!

— Даже без шуток очень приблизительно.

— И?

— Урок тебе нужен... Будет тебе первая лекция. Итак, за мной двести сорок две деревни, деревеньки, мызы и села на тридцать семь тысяч крепостных обоюго пола. Раскиданы по всей стране. Не специально, так вышло. Что-то за службу получил, чем-то наградили, кое-что у заложивших имущество или, как в молодости, на спор выиграл...

Она кивнула. Старая история с подрывным фитилем и снарядам давно превратилась в семейную легенду, иллюстрирующую мою находчивость и предприимчивость. Иногда в этих рассказах — а не одна такая байка существует — себя не узнаю. Настолько мудр и добродетелен.

— ...кого перевозил, как в Заволжье или Причерноморье с Крымом. Почти все люди на оброке. А он очень разный.

И частенько на моих землях повинности или сборы за пользование лесом с прочими угодами заменены фиксиро-

ванными денежными выплатами, выплачиваемыми всей деревней. А в остальном я практически не вмешиваюсь во внутренние дела, разве уж жаловаться начинают. Не по доброте душевной. Так проще, и не требуется держать человека на жалованье.

Нет ничего выгоднее, чем вести хозяйство самому, но это предполагает постоянное жительство на одном месте и знание людей с их хитростями и старыми счетами. Мне это недоступно. Контролировать десятки и сотни отдаленных друг от друга мест и вовсе невозможно. Равно как руководить сдачей земли в аренду можно, имея представления о крестьянах, кто трудолюбив и кто ленив, да и точные сведения о ценности территории. Лишняя морока.

Мои крестьяне четко знают, что никто с них драть лишнего не станет, кроме юридического освобождения, имеют все права вольного человека, включая выборность старост. На самом деле находятся на положении государственных, только платят больше. Зато школа за мой счет. Причем привычная мне, а не в старом стиле. Прежде в класс набирали детей разного возраста. По моему указанию появились большая общая доска с мелом и классный журнал. Перед началом занятий проводится переключка. Тот, кто хочет спросить или ответить, должен поднять руку. Обязательны экзамены по итогам года.

Основная масса все это — и относительную свободу, и обучение детей — оценила довольно быстро. Отсутствие образования не означает наличие дури. В принадлежащих мне селениях по большей части люди достаточно зажиточные, а кое-кто уже и собственное производство имеет.

— Нельзя устанавливать одинаковый размер платежа для Кубани или Центральной России. Непогодородная почва и неблагоприятный климат более северных районов вынуждает крестьян с незапамятных времен заниматься ремеслом, охотой, рыбалкой, торговлей, строительством, перевозками и другими видами деятельности, не относящимися непосредственно к сельскому хозяйству. Применяя оброк вместо не приносящей заметного дохода сельскохозяйственной трудовой повинности, можно получить заметно больше, уменьшая управленческую ответственность. Такая система дает пользу не токмо мне или другому помещику, но и крепостным дает возможность увеличить их заработки.

— Основной источник богатства в крепостных, а не в земле.

— Не в черноземных областях. Там как раз наоборот.

— Там просто пока народу мало, — уверенно сказала Софья, посеяв сомнения в важности изложенной лекции, сама все и до моих откровений знала. — Нехватка земли приводит к массовому переводу крестьян на оброк. В тех местах, где довольно места, сходнее держать их на пашне.

— Ох лиса, нужны ли тебе мои старческие разглагольствования?

— Нужны и важны. Я и правда подробностей не знаю. Вот сколько оброку правильно требовать?

— Естественно, в разных губерниях и суммы могут различаться. — Ну хочет, пусть слушает. Тайн не открываю. — От почвы зависит, близости городов, судоходных рек и многого другого. Но и это еще не все! Цены растут, и соответственно повышаются требования. В России уровень оброка не фиксирован. В принципе правильно. Подушный много лет оставался неизменным, и фактически государство теряло огромные суммы, остающиеся не крестьянину, а помещику. А в целом до Анны Иоанновны средний составлял около двадцати пяти копеек с души и пятидесяти копеек с души мужского пола. Уже в 1742 году брали примерно восемьдесят копеек с души мужского пола. К концу правления Анны Карловны оброк крестьян на Суздальщине и Ярославщине достигал рубля и тридцати четырех копеек с души мужского пола, или пяти целых девяти десятых пуда в пересчете на хлеб.

— А государственный? — неожиданно заинтересовалась она.

— Сорок копеек с души мужского пола. — Уж данный момент я хорошо проработал, не зря в свое время консультировал по поводу Российского Государственного банка и перевода заложенных имений под руку государеву. — В 1745 году был увеличен до пятидесяти пяти копеек, оброк с дворцовых крестьян, формально также равнявшийся сорока копейкам, в 1743 — 1750 годах составлял в среднем шестьдесят семь копеек. В 1755 году вырос до одного рубля с души мужского пола, а в 1762 году — до рубля и двадцати пяти копеек. В 1761 году оброк государственных крестьян увеличен до одного рубля. А в частном имении и до двух доходит.

— Действительно выгоднее быть в крепости не у помещика.

— А еще лучше вольной птахой летать. За службу государственную получали когда-то дворяне землю. На войну ходили, кровь проливали, кормиться им как-то надо было? Денег в те времена на Руси не особо много имелось.

— *Homo sine pecunia imago mortis*, — торжественно провозгласила Софья.

В переводе с языка вымерших римлян на наречие родных осин: человек без владений как мертвый.

— Какая ты у меня умная, — показательно восхитился я. — Так, да не так. Не одними полями можно богатеть.

— Предприятиями. У тебя их не перечесть. Сам, наверное, не помнишь.

— Зато я кое-что другое прекрасно помню. Ни на одной мануфактуре или заводе все имущество мне не принадлежит.

— Так товарищество, и работникам для пушего усердия выделял долю. О том все знают.

— И это тоже чистая правда. Но то для всех. А тебе могу и заднюю мысль поведать: очень мне не понравилось, что у впавших в немилость Меншикова и Долгоруких с прочими Биронами отбирали имущество. И не важно, честно заработали, в наследство получили, подарки царские или наследство. Все подчистую. Когда несколько владельцев, уже просто так не отнять. А если записано на крестного сына, так официально и вовсе не мое имущество. Вот так. И не спрашивай с удивлением, почему не хочу прижизненного издания. Без обиняков с тобой беседовать стану, раз уж замахнулась на образ мой литературный. Да ведь всю жизнь играл по своим правилам, где не всякая мысль для общего употребления. Всегда два писал и три в уме держал.

Еще и потому многие законы проталкивал, что пытался создать власть, охраняющую закон и порядок и позволяющую строить и создавать новые предприятия без опасения прихода начальников, отбирающих по неизвестным соображениям в казну. У нас в Российской империи до сих пор разрешение на открытие предприятия именуется привилегией и доступно не всякому. Петр создал не условия для развития капитализма, а пародию на него, где промышленные предприятия власть держала в жестких рамках, приравняв к поместью.

А я пробил закон, уравнивающий купцов первой гильдии в правах с дворянством. Им дозволялось создавать свои органы

самоуправления — торговые сообщества, суды, выборные органы, акционерные общества. И даже сверх того. Раньше по уголовному законодательству при осуждении представителя низшего сословия — купца, мещанина, зажиточного крестьянина — принадлежавшее ему имущество подлежало конфискации. Частенько случалась несправедливость. Пришлось сдвинуть гору, чтобы добиться права наследования и отменить реквизиции, за исключением возврата украденного и случаев государственной измены.

— И даже при императрице об этом думал?

Вряд ли сама замечает, но для нее существует только одна Великая Анна. С рождения жила при правлении, и на фоне достижений теряется практически бесследно и Анна Иоанновна, и Екатерина.

— Никто не вечен, и жизнь непредсказуема. Ты хоть представляешь, насколько меня ненавидели шведы с прибалтийскими и прусскими немцами?

— Я видела неоднократно отношение, но не задумывалась, — озадаченно сознается Софья. — Прусские понятно, шведы с прищемленным самолюбием тоже. Но почему остзейские? Их никто не притеснял.

Вот так. Подросло новое поколение, и уже десятилетней давности события исчезли во мраке прошлого. И она всерьез надеется создать нечто интересное людям? А, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вспоминала о проблемах с мужем и разводом. А мне поболтать о былом приятно.

— Приняв эти территории в свое подданство, Петр обещал соблюдать привилегии именовавшегося рыцарством местного дворянства, полученные им ранее от шведских королей. Сохранены были традиционные органы местного самоуправления дворян и горожан. Более того, на территории Лифляндии и Эстляндии продолжало действовать шведское имущественное и уголовное право, а в Петербурге со временем была создана специальная апелляционная инстанция по судебным делам — Юстиц-коллегия лифляндских и эстляндских дел.

— Да, я помню.

— Тогда недурственно было бы поднять материалы о проведении губернской реформы в России, — тоном умудренного старика подсказал я.

Софья вопросительно приподняла бровь: мол, а ты на что?

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. БУДНИ ОПАЛЬНОГО ВЕЛЬМОЖИ	5
Часть вторая. НОВЫЙ ДЕНЬ	161
<i>Эпilog</i>	332